

о Сильвестре и Адашеве и их благотворительном влиянии на молодого царя. По Курбскому же, как известно, «перелом» к добропорядочному поведению у Ивана произошел именно под влиянием этих добродетельных советников. Херасков вводит в качестве действующего лица поэмы Адашева, и под влиянием беседы с ним, просветленный духом, Иоани видит разительную перемену в отношении к себе всего народа и воинства:

Любовью видит царь возженные сердца,
Зрит в подданных детей, они — в царе отца.

Казалось, новое он царство приобрел,
Избранной думе быть в чертоге повелел.¹¹

К последней строке Херасков делает примечание: «Избранная дума именовалась в то время вышнее правительство, что ныне Сенат».¹² Взяв у Курбского термин и слегка его изменив (вместо «рада» — «дума»), Херасков в своей поэме превратил его не столько в современный ему «сенат», сколько в своеобразный дворянско-аристократический парламент, ст мнения которого зависит решение царя.¹³

Ключевой сценой поэмы является обсуждение на избранной думе поставленного Иваном вопроса:

Отважиться ли нам с ордами к трудной брани,
Иль в страхе погребстись и им готовить дани?¹⁴

Речь Курбского на этом заседании избранной думы следует непосредственно за речью князя Ленского, в которой Херасков собрал все, что было для него неприемлемого и в современном ему характере русской самодержавной власти, и в русской истории. Ленский говорит Ивану:

... блюди твой царский сан,
Тебе для выгод он твоих и наших дан.
Тебе ли советовать, тебе ли, царь, крушиться
И сладкой тишины для подданных лишиться;
Ты бог наш!¹⁵

Повторяя памятную всем тогда ломоносовскую формулу (Петр — бог), Ленский у Хераскова высказывает сервильно-эгоистическую точку зрения на права и обязанности царя, глубоко ненавистную Хераскову, стороннику ограничения царизма фундаментальными законами и дворянским общественным мнением.

Именно Курбский, главный герой Хераскова,¹⁶ высказывает в своей речи самую суть патриотизма и общественного долга в том его понимании, которое было всего ближе автору «Россияды»:

О царь мой! Властен ты мою пролити кровь,
Однако в ней почти к отечеству любовь,
Позволь мне говорить: оставь богатству неги;
Веди ты нам прейти пески, и зной, и снега;
Мы рады с молнией и с громом воевать,

¹¹ М. Херасков. Россияда. . . , стр. 18.

¹² Там же.

¹³ См.: Г. А. Гуковский. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938, стр. 240—241.

¹⁴ М. Херасков. Россияда. . . , стр. 21.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века, стр. 197. Нам кажется неубедительным утверждение А. Н. Соколова, что «полнее всего свой идеал национального героя Херасков воплощает в образе Ивана Грозного» (см.: А. Н. Соколов. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX веков. Изд. МГУ, 1955, стр. 160).